

Религиозный синкретизм

Источники по истории раннего христианства в работах А.Б. Рановича

Предлагаемая читателю книга представляет собой переиздание двух работ известного советского историка А. Б. Рановича (1885–1948) – "Первоисточники по истории раннего христианства" (изданы в 1933 г.) и "Античные критики христианства" (изданы в 1935 г., переизданы в 1990 г.), содержащих собрание текстов, прямо или косвенно связанных с возникновением и распространением христианской религии в Римской империи I–IV вв. и критикой этой религии античными (языческими) авторами. Хотя работы, о которых идет речь, были изданы более полувека тому назад, они во многом не утратили своей ценности и сегодня. Некоторые из приведенных в них источников русскоязычный читатель может найти только в упомянутых книгах, давно ставших библиографической редкостью. Несомненно поэтому, что переиздание данных работ, к тому же впервые собранных вместе под углом проблематики истории раннего христианства, должно вызвать большой читательский интерес.

Круг научных интересов А.Б. Рановича был связан с историей древнего мира. Его перу принадлежат "Очерки истории древнееврейской религии" (М., 1937), "Очерки истории раннехристианской церкви" (М., 1941), работа "Восточные провинции Римской империи" (М., 1949). Некоторые работы А.Б. Рановича по истории христианства были переизданы в его книге "О раннем христианстве". Одно из наиболее значительных исследований ученого – фундаментальный труд "Эллинизм и его историческая роль" (М., 1950). Прекрасный знаток произведений древних авторов, папирусов, надписей, А.Б. Ранович при подготовке своих исследований по раннему христианству изучил огромный материал. Он собирал данные по социально-экономическим предпосылкам возникновения нового религиозного учения, его эволюции, отношению к нему представителей античной культуры. Результатом этих изысканий и явились "Первоисточники", а затем собрание дошедших до нас полностью или в отрывках произведений античных писателей и философов, выступавших с критикой христианства <...>

Теория возникновения христианства вне Палестины тесно связана с так называемой мифологической школой, приверженцы которой отрицали историческое существование Иисуса. К этой школе принадлежал и А.Б. Ранович, что отразилось в комментариях и вводных статьях не только к "Первоисточникам", но и к "Античным критикам христианства". Мифологическая школа зародилась еще в XVIII в. в связи с рационалистической критикой христианства; она продолжала развиваться на протяжении XIX и начала XX в. В работах, принадлежавших к этой школе ученых, высказывалась точка зрения о существовании в Палестине культа дохристианского бога (Иисуса). По их мнению, в основе евангельских легенд находились народные мистерии

и различные аллегорические рассказы, которые рядовыми христианами понимались буквально. Крупнейшим представителем мифологической школы, чьи работы оказали большое влияние на Рановича, был Артур Древис. Христианские легенды он разлагал на отдельные элементы и возводил их к различным языческим мифам, прежде всего солярным (солнечным).

В 30–40-е годы мифологическая школа безраздельно господствовала в советской исторической науке. Помимо связи христианства с древними культурами умирающих и воскресающих богов, различных солнечных божеств у сторонников этой школы было еще несколько линий аргументации: отсутствие сведений об Иисусе у писателей I в. (а те, которые были, считались вставками переписчиков – интерполяциями), поздняя датировка евангелий Нового завета, доходившая до середины II в., и отрицание какой-либо достоверности содержащихся в них рассказов; развитие образа Иисуса от бога к человеку в канонических произведениях, начиная с Апокалипсиса Иоанна. Эти аргументы не учитывали, однако, жанровой специфики священных книг (в частности, апокалиптической литературы), раннюю иудеохристианскую трактовку Иисуса как просто праведного человека, а также те элементы его евангельской биографии, которые не несли в себе вероучительного смысла.

Параллельно с мифологической существовала и историческая школа, выявлявшая реальную основу евангельских рассказов. Усилению позиции этой школы в XX в. способствовало общее развитие источниковедения, отказ от гиперкритицизма в отношении сообщений античных авторов, большее доверие к традиции. Немалую роль в изучении собственно христианских источников сыграли так называемая "критика текста" и "критика форм" применительно к книгам Нового завета. Метод "критики текста" существует с конца XIX в., "критика форм" развилась уже в XX в. Оба метода ставили своей целью выявить подлинное ядро учения Иисуса. Приверженцы первого метода сравнивали тексты евангелий с учетом рукописных расхождений, пытались найти общее, характерное для всех евангелий (речь шла прежде всего о первых трех, так называемых синоптических). Ученые же, разрабатывавшие "критику форм", искали следы устной традиции, выделяли ее отдельные блоки – речения Иисуса, притчи, рассказы о чудесах – и этапы развития. Углубленное изучение христианской литературы, находки папирусов с текстами евангелий, которые позволили удревнить время их составления по сравнению с принятым мифологистами, раскопки Назарета – все это приводило к тому, что сторонников исторической школы становилось все больше.

В настоящее время советские историки, за редким исключением, признают существование ис-

торической основы у повествований Нового завета. Последнее научное достижение в этой области – обнаружение арабского перевода свидетельства Иосифа Флавия об Иисусе, которое, по мнению исследователей, восходит к подлинному тексту иудейского историка I в. Дело в том, что в греческой рукописи "Иудейских древностей" Иосифа Флавия сохранился рассказ об Иисусе, где он назван Христом; прямо говорилось о его воскресении. Ученые считали этот текст благочестивой вставкой христианского переписчика, поскольку Флавий был верующим иудеем и не мог признать в Иисусе мессию. Правда, шли споры, было ли это место сочинено с начала до конца или в первоначальную версию были вставлены отдельные фразы. В 1971 г. израильский ученый Ш. Пинес опубликовал средневековую, написанную по-арабски рукопись "Всемирной истории" христианского епископа Агапия. В этом произведении была приведена цитата из Флавия, где речь шла об Иисусе. Ученый предположил, что перевод сделан с сирийской рукописи, в которой сохранился первоначальный смысл рассказа Флавия. Этот рассказ очень напоминает текст греческой рукописи, но Иисус там назван мудрым человеком, сообщение о его воскресении не факт, а рассказ учеников. Сопоставление двух вариантов ясно показывает, как работал переписчик, который не сочинял сам, но "улучшал" Флавия с позиций своей веры. Ориген, по-видимому, читал подлинный текст Флавия, поскольку он пишет, что Флавий не признавал Иисуса Христом. Евсевий Кесарийский знал уже переработанный текст (IV в.). В Приложении к "Античным критикам христианства" помещены оба варианта, и читатель может их сравнить.

Изучение текста Иосифа Флавия подводит нас к проблеме христианских интерполяций и в других произведениях античных авторов, о которых писали представители мифологической школы. Так, А.Б. Ранович считал вставкой и рассказ римского историка Корнелия Тацита о христианах, казненных императором Нероном по обвинению в поджоге Рима. Этот текст приведен самим Рановичем в "Первоисточниках по истории раннего христианства"; для полноты картины редакторы включили его (в последнем переводе на русский язык) и в Приложение к "Античным критикам христианства".

Главный аргумент сторонников мифологической школы заключался в том, что в начале II в. Тацит не мог писать о "великом множестве" христиан, так как их в то время было еще очень мало. Правда, серьезные исследователи отмечали, что целый ряд деталей и прежде всего враждебный тон Тацита по отношению к христианскому учению говорят за подлинность этого места. Так, сообщение Тацита считал подлинным С. И. Ковалев, по вопросу об историчности Христа – сторонник мифологической школы (см. его книгу "Основные вопросы происхождения христианства"). Сторонники версии об интерполяции не учитывали стилистического единства рассказа Тацита о казнях христиан с остальным текстом, психологическую невозможность для

переписчика-верующего назвать христианство "зловредным суеверием", а своим единоверцам приписать ненависть к роду людскому. Ученые мифологической школы не ставили вопроса о мотивах переписчика, якобы искусно подделавшего текст Тацита (с их точки зрения, враждебность тона по отношению к христианам была выбрана переписчиком для большей достоверности): ведь никто – и это видно из приведенного в "Античных критиках христианства" обширного материала – не сомневался в реальном существовании Иисуса, критики доказывали только, что он не мог быть Богом или Сыном Божиим. Для язычников отрицательное отношение Тацита к христианам было лишним аргументом против них, независимо от того, много или мало было их при Нероне, а верующим никакие доказательства не были нужны. Что касается количества христиан в период правления императора Нерона (54–68 гг.), то из текста Тацита следует, что сначала были схвачены те, которые открыто называли себя христианами, а уже потом, по их указанию, множество других. Среди них, как это обычно бывает, когда хватают людей по оговорам, могло быть и достаточно большое число не являвшихся христианами: доносы не проверялись, а Нерону важно было обратить гнев римской толпы на чужаков, чтобы опровергнуть слухи об участии его самого в поджоге Рима.

Схожие соображения можно высказать и в отношении письма Плиния Младшего императору Траяну о христианах Вифинии. Вифиния – область в Малой Азии. Сам Ранович поместил его в Приложении к "Античным критикам христианства", считая возможной вставкой только свидетельство о распространении христианства. Однако Плиний тоже имел дело с доносами, причем среди тех, кого он сумел допросить, были и нехристиане. У него также не было точного представления о количестве христиан, и вполне возможно, что доносчики преувеличивали это число.

Позиция А.Б. Рановича в отношении ряда проблем истории раннего христианства отразила не только современный ему уровень развития науки, но и определенные политические тенденции середины 30-х годов: усиление идеологической борьбы с "классовыми врагами", всеми без различия буржуазными историками, "социал-фашистами", "поповщиной" и т. п. В его работах можно встретить отзвуки примитивной антирелигиозной пропаганды 20–30-х годов. Сама борьба вокруг проблемы историчности Иисуса, Иоанна Крестителя, Павла, Петра носила в то время, как отмечал впоследствии С. И. Ковалев, не столько научный, сколько политический характер. Правда, сам автор относил эту "политичность" прежде всего к западным представителям исторической школы, однако это было характерно и для советских историков христианства. Но каковы бы ни были общие установки А.Б. Рановича, которые не разделяют современные ученые, проделанный им труд по подбору источников периода раннего христианства не потерял своего значения и по сей день<...>

Доктор исторических наук И. С. Свенцицкая

РЕЛИГИОЗНЫЕ НАСТРОЕНИЯ И ЧАЯНИЯ В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

157. Ditt. Or. 573 (Надпись)

Киликия. Эпоха Августа

Надпись малограмотна, и смысл ее не везде понятен. "Саббатисты", по-видимому, означает не полноправных членов коллегии – иудеев, а случайных посетителей службы или прозелитов. Бог в дальнейшем именуется не собственным именем, а "Sabbatistes" ("Субботник").

Постановление членов коллегии и саббатистов, соединившихся милостью Бога-субботника: начертать надпись и чтобы никто ее не уничтожил; кто это сделает, тому надлежит совершить искупительный обряд. Если кто захочет принести возношение, то пусть будет позволено желающему принести возношение. Первое (постановление) гласит: увенчать Эфибелю, главу синагоги. А из подношений, находящихся в храмах, и из надписей на стенах и на подношениях никому да не будет позволено ничего зачеркнуть, испортить или уничтожить. Если же кто-либо, преступив, совершит [что-либо запрещенное] или согрешит перед Богом-субботником, он пусть уплатит Богу-субботнику и саббатистам 90 драхм и городу 90 драхм и династу. Пусть эта стела будет клятвенной, что одинаково никто не принял дня¹. Пусть священник распорядится взносами Богу на благоустройство места.

158. Лукиан, «Собрание богов»

В результате религиозного синкретизма на Олимпе проникло множество новых, подчас довольно странных богов. Решено принять меры против засорения Олимпа чуждыми элементами. Бог шутки Мом выступает общественным обвинителем и, перебрав в своей речи всех чужеземных богов, читает проект постановления, пародирующего по форме постановления народных собраний.

Постановление. В час добрый. В законном собрании, созванном в седьмой день этого месяца, Зевс был пританом², проедром – Посейдон, Аполлон – эпистатом, Мом, сын ночи, – письмоводителем, а Сон выступил со следующим заявлением:

Ввиду того, что многие чужеземцы – не только эллины, но и варвары - отнюдь не достойны делить с нами права гражданства, неизвестно каким способом попали в наши списки, приняли вид богов и так заполнили небо, что пир наш стал теперь похожим на сборище беспорядочной толпы, разноязычной и сбродной, что начало не хватать амброзии и нектара и кубок стал стоять целую мину (100 драхм) из-за множества пьющих; ввиду того, что они самоуправно вытолкали богов древних и истинных, требуя первых мест вопреки отцовским обычаям и желая большего почитания на родине, постановил совет и народ созвать собрание на Олимпе около времени зимнего солнцеворота и выбрать семь судей из богов истинных, трех из древнего совета Кроноса, четырех же из числа "двенадцати" и среди них Зевса; судьи эти должны заседать по закону, поклявшись присягой Стикса; Гермес же пусть созовет всех, кто только хочет участвовать в собрании. Пришедшие пусть приведут готовых присягнуть свидетелей и принесут доказательства своего происхождения. После этого пусть они выходят поодиночке, а судьи, произведя расследование, либо объявят их богами, либо отошлют обратно в их могилы и семейные гробницы. Если же будет замечено, что кто-нибудь из отвергнутых и однажды исключенных судьями снова попытается проникнуть на небо, пусть сбросят его в тартар.

И каждый пусть делает только свое дело. Афина не должна исцелять, Асклепий – пророчествовать. Аполлон пусть не исполняет сразу столько дел, но, выбрав что-нибудь одно, да будет либо пророком, либо музыкантом, либо врачом.

Философам пусть запретят выдумывать праздные имена и болтать о том, чего они не знают.

У тех же, кто раньше был несправедливо удостоен храмов или жертвоприношений, изображения отнять и поставить статуи Зевса, Геры, Аполлона или кого-нибудь другого, им же город пусть насыпет могильный холм и поставит столб вместо алтаря. Если же кто не послушается приказания и не захочет предстать судьям, то его осудят заочно. Таково наше постановление.

ЗЕВС. Справедливейшее постановление, Мом, и, кто с ним согласен, пусть поднимет руку; или нет, пусть просто будет оно выполнено. Ведь я знаю, что большинство стало бы голосовать против. Теперь же уходите; а когда возвестит Гермес, то придите все с очевидными приметам и убедительными доказательствами вашего происхождения, с именем отца и матери, с объяснениями, откуда вы и каким способом стали богами и какой вы филы и фратрии. А если кто не предъявит всего этого, то судья даже и не посмотрит на то, что у него на земле много храмов и что люди считают его богом.

160. Ditt. Or. 449. Пергам

Демос почтил Публия Сервилия, сына Публия, Исаврика проконсула³, оказавшегося спасителем и благодетелем города, давшего городу отечественные законы и непорабощенную демократию.

¹ Смысл этой нелепой по конструкции фразы остается невыясненным.

² Председателем.

³ П. Сервилий Исаврик был проконсулом Азии в 48 г. до Р.Х.

161. Ditt. Syll. 807, 15 сл.**Мраморная доска, принадлежавшая храму Эскулапа возле Рима. Середина второго века.**

Валерию Апру, слепому солдату, бог (Эскулап) дал указание пойти взять кровь белого петуха с медом и растереть в мазь и в течение трех дней мазать его глаза. И он прозрел, и пришел, и всенародно возблагодарил бога.

162. SIG III 5041.**Нубия (Калабмех). II-III в.***Надпись, характерная для религиозного синкретизма*

Санснос пишет, сын Псеносораписа: Почитай божественное. Жертвуй всем богам. В каждый храм входи с молитвою. Больше всего думай об отечественных (богах) и чти Исиду, Сераписа, величайших из богов. Спасителей, благих, благосклонных, благодетелей.

163. Ditt. Or. 722.**Атриб (Египет). 374 г.**

По воле вседержителя бога и его Христа во всеобщее царствование все покоривших господ наших Валентиниана, Валента и Грациана, августов от века, в счастливейшее их десятилетие (отсюда и определяется дата постройки ворот и начертания подписи) возведены с самого начала эти ворота, получившие имя божественнейшего (христианский император наделяется титулом *divus*, как и его языческие предшественники) царя нашего Валента, в правление сиятельнейшего господина префекта Египта Элия Палладия, при заведующем построенными воротами Флавии Кире, гражданине города. В добрый час.

164. Ditt. Or. 721. Египет.*Надпись на сиринге (семиствольной флейте)*

Факелоносец священнейших элевсинских мистерий Никагор, сын Минуциана, афинянин, испробовав сиринги, много времени спустя после божественного Платона из Афин, восхищен и возблагодарил богов и благочестивейшего царя Константина, давшего мне это. Да будет милостив ко мне Платон и здесь.

165. P. Теб. II 416-W. 498 г.*Отрывок*

Калма сестре Сарапиаде привет. Сообщаю тебе, что я прибыл в Александрию... Намерен остаться в Антинополе. Я прибыл в Александрию на богомолье. Не слушай людей, будто я намерен здесь остаться, я вскорости вернусь к тебе домой.

166. P. Оху. I 110-W. 99. II в.

Херемон приглашает тебя покушать на трапезу господина Сераписа в храме Сераписа завтра, то есть 15-го, после 9 часов.

167. Тертуллиан «О крещении». V

Квинт Септимий Флоренс Тертуллиан, сын римского центуриона (офицера), принявший христианство и ставший пресвитером в Карфагене, является одним из крупнейших христианских апологетов. Помимо апологетических сочинений он написал большое количество богословских трактатов по различным вопросам христианской догматики, культа, нравственности. Его литературная деятельность относится к концу II и первой части третьего века. Тертуллиан был близок к монтеизму. Ему принадлежат известные слова: "Верю, потому что абсурдно". (Вот как это положение сформулировано Тертуллианом – de same Chr. V: "Распят Сын Божий – не стыдно, ибо это постыдно. И умер Сын Божий – это вполне достоверно, ибо нелепо. А погребенный, Он воскрес – это верно, ибо невозможно").

Язычники, хоть они и чужды духовных познаний, сами приписывают идолам своим действующую в этом отношении силу, хотя и ошибаются, употребляя воды, лишённые всякой силы. У них в обычае посвящать в некоторые таинства посредством омовения – в таинства какой-нибудь Исиды и Митры... Действительно, в аполлоновых и элевсинских играх они погружаются в воду и заявляют, что делают это для возрождения и чтобы не получить наказания за свои прегрешения.

168. Тертуллиан, «О ересях». XL

Если бы кому угодно было спросить, кто возбуждает и внушает ереси, я бы ответил: дьявол, который ставит своим долгом извращать истину и всячески старается в мистериях ложных богов подражать святым обрядам христианской религии. Он также кое-кого погружает в воду и обещает через крещение искупление грехов. Насколько я помню, Митра знаменует чело своих воинов, когда они посвящаются, приносят в жертву хлеб, представ-

ляет вид воскресения, предлагает одновременно венец и меч, запрещает жрецам жениться второй раз, имеет своих девственниц.

169. Апулей, «Метаморфозы». XI

Л. Апулей из Мадавры (середина второго века) – адвокат, философ, поэт и авантюрист – оставил значительное литературное наследство. Его "Метаморфозы", авантюрно-сатирический роман о похождениях Луция, превращенного в осла, до сих пор пользуется популярностью, в частности эпизод об Амуре и Психее. Занимательная фабула и пикантное изложение дали повод прозвать роман Апулея "Золотым ослом". В книге XI автор подробно описывает обряд таинства Исиды и чин посвящения в ее мистерии. Это описание, наряду с трактатом Плутарха "Об Исиде и Осирисе.", – наиболее полный источник в культуре Исиды в римскую эпоху.

9. Среди этих шуточных развлечений для народа... двигалось и специальное шествие богини-спасительницы. Женщины, блистая чистыми покровами, радуя глаз разнообразными уборами, украшенные веселыми венками, одни усыпали из подола цветочками путь, по дороге, по которой шествовала священная процессия, у других за спиной были привешены блестящие зеркала, чтобы подвигающейся богине был виден весь священный поезд; некоторые, держа в руках гребни из слоновой кости, движением рук и сгибанием пальцев делали вид, будто расчесывают и прибирают волосы владычице. Другие благовонными маслами и дивными ароматами окропляли улицы. Кроме того, большая толпа людей обоюбого пола с фонарями, факелами, свечами и всякого рода источниками искусственного света изображала прославление властителя светил небесных. Свирели и флейты, звуча сладчайшими мелодиями, создавали очаровательную музыку. Далее милостивый хор из избраннейшей молодежи, одетый в белоснежные рубашки и блестящие праздничные одежды, повторял строфы приятной песни, которую искусный поэт благоволением Камен написал для пения и смысл которой говорил уже о начале последующих, более важных богослужебных гимнов. Шли и Серапису посвященные флейтисты, держа свои инструменты наискосок по направлению к правому уху и исполняя по нескольку раз напевы, принятые в храме их бога. Затем следовало множество прислужников, уговаривавших народ дать дорогу шествию.

10. Тут движется толпа посвященных в таинства, мужчины и женщины всякого положения и возраста, одетые в сверкающие льняные одежды белого цвета. У женщин умощенные волосы покрыты прозрачными покрывалами, у мужчин блестят гладко выбритые головы. В качестве земных светил великой религии издают они пронзительный звон, потрясая медными, серебряными и даже золотыми систрами. Наконец высшие служители таинств, льняная белая одежда которых, подпоясанная у груди, узко спускалась до пят, несут знаки достоинства могущественнейших божеств. Первый нес лампу, горевшую ярким светом и нисколько не похожую на наши лампы, что зажигают на вечерних трапезах; эта была в виде золотой лодки, отверстие находилось на самой середине, и светилка давала гораздо более широкое пламя. Второй, одетый, как и первый, нес в обеих руках двойной алтарь, называемый "помощью"... За ним шел третий, неся тонко сделанную из золота пальму с листьями, а также жезл Меркурия. Четвертый изображал символ справедливости, протягивая ладонь левой руки; при природной бездеятельности своей она не предана ни хитрости, ни ловкости и потому скорее, чем правая рука, может олицетворять справедливость. Он же нес и золотой сосудик в форме соска, из которого он совершал возлияние молоком. У пятого была золотая вейлка, наполненная лавровыми веточками, другой нес амфору.

11. Вскоре показалась и процессия богов, удостоивших воспользоваться человеческими ногами для передвижения. Вот наводящий ужас посредник между небесным и подземным миром, то с темным, то с сияющим лицом, высоко возносящий собачью морду Анупис, в левой руке держа жезл, правой потрясая зеленой пальмовой ветвью. Непосредственно за ним следует корова на задних ногах, плодородный символ всеродительницы-богини; неся ее на плечах, один из священнослужителей гордо выступал под блаженной ношей. Другой нес закрытую корзину, заключающую в себе ненарушимую тайну великого учения. Третий в счастливых своих объятиях нес почитаемое изображение верховного божества. Не было оно похоже ни на домашнее животное, ни на птицу, ни на дикого зверя, ни на человека какого-либо; но по мудрому замыслу оно самой странностью своей вызывало почтение, скрывая глубочайшим молчанием неизреченную сущность высокой веры. Ввиду такого своего значения оно было сделано из чистого золота следующим манером: то была искусно выдолбленная урна с круглым дном, снаружи украшенная диковинными египетскими изображениями; отверстие ее, подымаясь не очень высоко в виде горлышка, выступало далеко длинным носочком, а с другой стороны была широкая ручка, очень выгнутая, на которой извилистым излом поднималась змея с чешуйчатой головой и полосатой вздутой шей.

16... Среди подобных восклицаний, среди праздничных возгласов толпы, мало-помалу подвигаясь, приблизились мы к морскому берегу... Расставили там по чину священные изображения, и верховный жрец, произнося пречистыми устами священнейшие молитвы, горящим факелом, яйцом и серой очищает высшим очищением лодку, искусно сделанную и со всех сторон пестро разукрашенную удивительными рисунками в египетской манере, и, очищенную, посвящает ее богине. На счастливом судне этом блестящий развевался парус, на котором золотыми буквами были вышиты пожелания удачного начала новому плаванью. В виде мачты высилась круглая блестящая сосна с превосходным марсом, представлявшая приятное для глаза зрелище. Корма, выгнутая в виде гусиной шеи, покрыта была листовым золотом, а нижняя часть лодки сделана была из гладкого кедрового дерева. Тут вся толпа, как посвященные, так и непосвященные, наперерыв приносят сосуды с ароматами и другими в таком же роде приношениями, совершают возлияния из молочной смеси на воды. Наконец, когда лодка наполнена была щедрыми приношениями и соответственными жертвоприношениями, обрезают ленты у якоря и, предоставив лод-

ку попутному и спокойному ветру, пускают в море. Когда расстояние почти что скрыло ее из наших глаз, носильщики снова взяли священные предметы, которые они принесли, и, составив по-прежнему торжественную процессию, все быстрым шагом начинают возвращение к храму.

17. Когда мы пришли уже к самому храму, великий жрец, те, кто нес священные изображения, и те, которые ранее уже были посвящены в святыя таинства, войдя во святилище богини, расположили там по чину изображения, казавшиеся одушевленными. Тогда один из них, которого все называли писцом, стоя перед дверью, созвав как бы на сходку кружок пастофоров – так именовалась священная коллегия, – с высокого возвышения читает вслух из книги по писаному молитвы о благоденствии великого императора (принцепса), сената, сословия всадников и всего римского народа, в корабельщиках, кораблях и обо всех, кто живет под нашей державой, (затем) по греческому обряду (возгласил) так: *αοία* – эфесские (тайственные) буквы; этот возглас всем оказывается на счастье, судя по следовавшим за ним восклицаниям народа. Исполненный радости народ, держа в руках венки с листьями и веночки из вербены, поцеловал ступни серебряной статуи богини, стоявшей на пьедестале, и отправился по домам.

23... Наконец настал день, назначенный жрецом, и он повел меня, окруженного священным воинством, в ближайšie купальни. Там, совершив обычное омовение, призвав милость богов, он меня кропит в виде очищения и снова приводит к храму. Когда две дневных стражи уже протекли, он ставит меня перед самым подножием статуи и, сказав мне на ухо некоторые наставления, благостное значение которых нельзя выразить словами, перед всеми свидетелями наказывает меня воздержаться от чревоугодия и не вкушать десять дней подряд никакой животной пищи, а также не прикасаться к вину. Исполняю свято этот наказ о воздержании, а между тем наступает уж и день посвящения, и солнце склоняется к закату. Тогда со всех сторон приходит толпа посвященных, по старому обычаю принося мне поздравительные подарки, кто какой. Но жрец, удалив всех непосвященных, облакает меня в плащ из небесного полотна и, взяв за руку, вводит в святая святых.

Может быть, ты страстно захочешь знать, усердный читатель, что там говорилось, что делалось. Я бы сказал, если бы позволено было говорить, ты бы узнал, если бы позволено было слышать. Одинаковой опасности подвергаются в случае такого дерзкого любопытства и рассказчик, и слушатель. Но, если ты объят благочестивой жадностью познания, не буду тебя больше томить. Итак, слушай и верь, что я говорю правду. Я достиг пределов смерти, преступил порог Прозерпины и снова вернулся, пройдя все стихии; в полночь я увидел солнце в сверкающем блеске, предстал перед богами подземными и небесными и вблизи поклонился им. Вот я тебе и передал, а ты, хотя и выслушал, остался в полном неведении. Но передам то единственное, что могу открыть, не нарушая священной тайны, непосвященным слушателям.

24. Настало утро, и по окончании богослужения я тронулся в путь, облаченный в двенадцать священных стол; хотя это принадлежит к святым обрядам, но я могу говорить об этом без всякого смущения, так как в то время масса народа могла это видеть. Ведь я стоял наверху по самой середине храма против статуи богини на деревянном помосте, выделяясь одеждой, правда полотняной, но расписанной цветами. С плеч за спину до самых пят спускался у меня драгоценный плащ. Взглянув на него внимательно, всякий увидел бы, что на мне кругом разноцветные изображения животных: тут и индийские драконы, и гиперборейские грифоны, животные, которых другой мир создает наподобие пернатых птиц. Стола эта у посвященных называется олимпийской. В правой руке я держал ярко горящий факел. Голову мою красиво облакал венок из светлой пальмы, листья которой расходились в виде лучей... Разукрашенный наподобие солнца, помещенный наподобие божественной статуи, я при внезапном открытии завесы был представлен на обозрение народа. После этого я торжественно отпраздновал день своего духовного рождения, устроив изысканную трапезу с отборными винами. Так продолжалось три дня... Наконец по указанию богини, внося вклад за свое посвящение – конечно, далеко не соответствующий, но сообразно с моими средствами, – я начал готовиться к возвращению домой... Повергнувшись ниц перед изображением богини и прижавшись лицом к стопам ее, обливаясь слезами, прерываемый частыми рыданиями, глотая слова, я начал:

25. "О святейшая человеческого рода вечная заступница, смертных постоянная охранительница, что являешь себя несчастным в бедах нежной матерью. Ни день, ни ночь одна, ни минута какая краткая не протекает твоих благодеяний праздная. На море и на суше ты людям покровительствуешь, в жизненных бурях простираешь десницу спасительную, которой развязываешь неразрешимые узлы рока, судьбы ты ослабляешь гонения, зловещих звезд отводишь движение. Ты кружишь мир, зажигаешь солнце, управляешь вселенной, пожираешь тартар. Пред тобою ответственны звезды, благодаря тебе наступает чередование времен, радуются небожители, стихии – твои служители. Мановением твоим огонь разгорается, тучи сгущаются, поля осеменяются, посевы подымаются. Силы твоей страшатся птицы, в небе летающие, звери, в горах скитающиеся, змеи, по земле ползущие, киты, в океанах плавающие. И я, для воздания похвал тебе – нищий разумом, для жертв благодарственных – бедный имуществом, нет у меня полноты слов, чтобы выразить, что я о твоем величии чувствую. Ведь тысячи уст не хватило бы для этого и нескончаемого ряда языков, неустанных в велеречии; то единственное, что в состоянии сделать неимущий благочестивец, – то я и сделаю: лик твой небесный и божественность святейшую в глубине моего сердца запечатлею на веки вечные".

Помолившись таким образом великой богине, я бросаюсь на шею жрецу Митры, ставшему уже моим отцом, и, покрывая его поцелуями, прошу прощения, что не могу отблагодарить его как следует за его благодеяния.

170. Надпись из Иоса. А. Deissmann, *Licht vom Osten*, С. 94 сл. II-III в.

Такой-то посвятил это Исиде, Серапису, Анубису и Гарпократу. Я – Исиде, владычица всякой страны, я воспитана Гермесом и вместе с Гермесом изобрела демотические письмена для того, чтобы не все писали одинаково.

выми буквами. Я положила законы людям и издала законоположения, которых никто не может изменить. Я старшая дочь Кроноса. Я жена и сестра царя Осириса. Я (звезда), восходящая в созвездии божественного Пса. Я та, которую у женщин называют богиней. Мне построен город Бубастис. Я отделила землю от неба. Я указала пути звездам. Я установила порядок движения солнца и луны. Я изобрела мореплавание. Я сделала справедливое сильным. Я свела женщину с мужчиной. Я предписала женщинам носить плод до десятого месяца. Я установила закон, чтобы родители были любимы детьми. Я наложила кару на тех, кто относится к родителям без любви. Я вместе с братом Осирисом положила конец людоедству. Я указала людям очищения. Я научила почитать изображения богов. Я освятила участки богов. Я разрушила власть тиранов. Я добилась, чтобы женщины были любимы мужчинами. Я сделала справедливость сильнее золота и серебра. Я законоположила, чтобы истина считалась прекрасной. Я изобрела брачные контракты. Я указала эллинам и варварам их наречия. Я сделала так, чтобы прекрасное и постыдное отличались между собой по природе...

171. Лукиан, «О Сирийской богине»

В Библие я видел великое святилище Афродиты Библосской⁴, в котором справляются оргии в честь Адониса.

Я ознакомился и с ними. Говорят, что эти оргии установлены в честь Адониса, раненного в этой стране вепрем; в память о его страданиях местные жители ежегодно подвергают себя истязаниям, оплакивают Адониса и справляют оргии, а по всей стране распространяется великая печаль. Затем, прекратив удары и плач, они приносили жертву Адонису, как умершему. На следующий день они рассказывают, что он жив и удалился на небо; в то же время они бреют себе головы, как египтяне, когда умирает Апис <...>

...В стране Библие есть еще и другое чудо: это – река, плещущая с Ливанских гор в море. Имя ее – Адонис. Каждый год она меняет свой цвет, делаясь кровавой. Впадая в море, она окрашивает его на далекое пространство и тем указывает библосцам время великой печали. Рассказывают, что в эти дни на Ливане уязвляется Адонис и что его кровь, стекая в реку, меняет ее цвет. Отсюда река и получила свое имя. Так думает большинство. Мне же один библосец указал на другую, по его мнению, истинную, причину этого явления. "Чужестранец, – сказал он мне, – река Адонис протекает по Ливану, почва которого имеет красноватый оттенок. Свирепые ветры, поднимающиеся в эти самые дни, несут эту землю с большою примесью сурика в реку. Таким образом, земля эта, а вовсе не кровь Адониса, на которую указывают, придает реке кровавый цвет" <...>

Самое большое среди них (святилищ) это, мне кажется, то, которое находится в Гиераполе. Святилище это, и вся местность вокруг, наиболее почитаемо и священо... Также и по богатству это святилище среди всех известных мне занимает первое место, так как к нему стекаются деньги из Аравии, Финикии, Вавилонии, Каппадокии. Приносят их также киликийцы и ассирийцы <...>

172. Филострат, «Жизнеописание Аполлония Тианского». V.

С легкой руки Гиерокла, написавшего в конце III в. антихристианское сочинение, где он сопоставляет Аполлония Тианского с Иисусом, создано представление об Аполлонии как о сопернике христианства. Между тем для этого нет оснований. Дошедшая до нас биография Аполлония, написанная в начале III в. Филостратом, составлена в жанре Деяний апостолов, а многие чудеса Аполлония напоминают евангельские чудеса и представляют очевидное заимствование. Лукиан, по-видимому, считал Аполлония шарлатаном. Во всяком случае не только в Греции, но и в арабской (где он именуется Balinas), сирийской и еврейской литературе он слышит как специалист по магии; имеются неизученные арабские рукописи приписываемых Аполлонии сочинений по магии, астрологии, телесматике. По данным Филострата, Аполлоний был идеологом вымирающих остатков восточной земельной аристократии эпохи эллинизма; нивелирующая сила Римской империи лишила их места в политической жизни страны, им оставалось лишь проповедовать самоотречение и философский аскетизм и предаваться реакционным мечтаньям о невозвратном былом величии. А такова именно была проповедь Аполлония. Что касается личности Аполлония, то с некоторой достоверностью можно сказать, что он вышел из состоятельной семьи, получил обширное образование, много путешествовал, проповедовал новопифагорейскую религиозную мистику, принимал деятельное участие в политической жизни, был причастен к заговору против Домициана, был близок ко двору императоров и умер в начале II в. При жизни он пользовался почитанием как чудотворец и мудрец, а после смерти ему воздавали кое-где культ как герою. Каракалла воздвиг ему часовню, а во многих храмах стояли его статуи. Из сочинений Аполлония сохранился небольшой отрывок (у Евсевия) из его трактата "О жертвоприношениях" и несколько писем (большинство приписываемых ему подложно); следы написанной им биографии Пифагора сохранились у Ямвлиха. Основное издание относящихся к Аполлонии текстов – Flavii Philostrati quae supersunt, ed. Kayser, Turicij, 1844, в том числе Vita Apoll., Apoll. Tyanensis epistolae, Eusebius c. Hieroclem. Филостратово жизнеописание Аполлония в этой книге цитируется сокращенно: "V. Ap."

1.11. ...Но, продолжал Аполлоний, если они (боги) такие всеведущие, тогда тот, кто приходит в храм и имеет чистую совесть, должен бы молиться следующим образом: "О боги, дайте мне, что мне полагается". Ибо, о жрец, ведь благочестивому будет полагаться хорошее, а нечестивому – противоположное.

⁴ Афродита – эллинизированное название сирийской богини Ма, которую римляне называли просто Magna Mater – Великая Мать.

I. 17. Его речь текла не дифирамбом и не была украшена поэтическими изречениями, она не была изысканной... Он не изощрялся в остроумии и не любил пространных речей. Никто не слышал, чтоб он иронизировал... он изрекал, как оракул: "я знаю", или "мне кажется", или "куда вы клоните", или "надо знать". Его изречения были кратки и сильны, как адамант, его образы значительны и метки, и его слова находили отклик, как законы, диктуемые с высоты трона.

I. 34. По словам Дамиса он знал, что Аполлоний в полном соответствии со своим образом мысли, верный своей молитве: "Боги, дайте мне владеть немногим и ни в чем не испытывать потребности" – не выразит никакого желания.

IV. 3. (Аполлоний сказал:) "Вы видите, воробьи заботятся друг о друге и радуются своему обществу, а мы, люди, этого не понимаем. Когда кто-нибудь ценит общество других, мы скорее говорим о неумеренности, роскошестве и т. п., а тех, кому он уделяет от своего добра, мы называем льстецами и блюдолизами".

IV. 10. Когда Эфес постигла чума и ни одно средство не могло победить эпидемию, они послали к Аполлонию, желая, чтоб он врачевал их страдания. Он не стал медлить, но произнес: "ιομεν" (идем) и оказался в Эфесе, подобно Пифагору, который одновременно был в Туриях и в Мегалопонте. Созвав затем эфесян, он сказал: "Мужайтесь, сегодня я прогоню чуму". Затем он повел всю молодежь к театру перед статуей Аполлоны (Геракла в роли отвратителя чар). Здесь стоял старик с грязным лицом, одетый в лохмотья, по всем видимостям нищий, ловко вращавший глазами; у него была сума, в ней кусок хлеба. Аполлоний велел эфесянам окружить его и крикнул: "Хватайте камни во множестве и убейте врага божьего". Но эфесяне изумились этим словам, и им казалось жестоким побить камнями такого жалкого чужестранца, который взывал к милосердию и плакал. Но Аполлоний их подогревал, чтобы они наседали на него и не дали ему бежать. Тогда кое-кто начал бросать (камни), и, когда нищий, который раньше так жалостно смотрел, стал дико озираться и глаза его оказались полны страшного огня, эфесяне узнали в нем злого духа и побили его камнями, так что он оказался погребенным под грудой камней. Через некоторое время Аполлоний велел убрать камни, чтоб осмотреть убитого. Но человек, которого, как им казалось, они побили камнями, исчез, а под камнями оказался пес из породы молосских, величиною со льва, раздавленный и испускающий пену, как бешеный.

IV. 31. Его речи в Олимпии касались самых интересных предметов. Он говорил с порога храма в мудрости, храбрости, самообладании и обо всех добродетелях и приводил своих слушателей в изумление содержанием и формой своей речи.

IV. 40. "А о чем ты молишься, когда приступаешь к алтарю?" – спросил он мудреца. "Я молюсь,- ответил Аполлоний,- чтобы господствовала справедливость, чтобы не преступали законов, чтобы философы оставались бедными, другие богатыми, но без фальши".- "А моля о столь великих вещах, считаешь ли ты, что действительно их получишь?" – "Конечно,- ответил Аполлоний,- ибо я все суммирую в одно и, приступаю к алтарю, я молюсь: о боги, дайте мне то, что мне надлежит".

IV. 45. Одна женщина умерла в день своей свадьбы – по крайней мере ее сочли мертвой. Жених с плачем следовал за гробом, и Рим горевал вместе с ним, ибо девица была из знатного дома. Когда Аполлоний встретил погребальное шествие, он сказал: "Поставьте гроб, я утишу ваши слезы по поводу девушки". Так как он спросил об ее имени, толпа подумала, что он хочет произнести обычную надгробную речь. Но он коснулся мертвой, произнес несколько непонятных слов и разбудил мнимоумершую, та обрела голос и вернулась в отцовский дом, как Алкестида, когда Геракл вновь призвал ее к жизни⁵. Когда родственники захотели сделать ему подарок в 150.000, он сказал: "Пусть это будет приданным для девицы".

VII. 7. Когда Домициан убил своего родственника Сабина и женился на его жене Юлии – Юлия была племянницей Домициана, дочерью Тита,- Эфес праздновал эту свадьбу. Аполлоний же приступил к алтарю и сказал: "О ночь древних данаид, какой единственной ты была!" (намек на миф о дочерях Данае, которые в брачную ночь перебили своих женихов. Аполлоний вообще изображается активным противником Домициана и заговорщиком).

VI. 11. (Речь девы-олицетворения пифагорейской философии.) Я непривлекательна и сулю трудности. Ибо кто присоединится к моему учению, тем самым отрекается от влечения животной пищи, должен забыть о вине, чтобы не расплескать сосуда мудрости, который держится лишь в душах, не знающих вина; ни мягкое платье не будет греть его, ни шерсть, снятая с живых существ, обувь я им разрешаю носить только из лыка, спать – как попало, а если я увижу, что он поддается похоти, то у меня есть бездна, куда его толкнет Справедливость – служанка мудрости; я до такой степени трудна для избравших меня, что я налагаю оковы и на их уста (пифагорейцы не ели мяса, носили одежду и обувь только из растительных тканей и налагали иногда на себя обет молчания). Но узнай зато, что ты получишь, если выкажешь себя стойким и верным. Мудрость и Справедливость сами собой тебе достанутся. Ты будешь далек от зависти. Ты никогда не будешь испытывать страха перед тиранами, а для них ты будешь страшен, богам ты с малой жертвой будешь больше угоден, чем те, кто проливает пред ними кровь быков. Если ты сохранишь чистоту, я дам тебе дар предвидения и сообщу такую ясность твоему зрению, что ты познаешь, что такое бог, что – человек и что – обманчивая фантазия в человеческом образе.

VII. 26. Мы, люди, в течение всего того времени, которое именуем жизнью, находимся в темнице, наша душа, прикованная к смертному телу, многое терпит.

⁵ Филострат, передавая это чудо, пытается найти для него разумное объяснение: девица была не мертвая, а лишь мнимо умершая. Здесь почти буквальное совпадение с текстом евангелия, сравни: Мк. 5: 35–42.

VII. 40. А когда заключенные, которых он несколько дней тому назад покинул, снова его увидели, они все обняли его, ибо они уже не надеялись увидеть его вновь. Как дети льнут к отцу, который ласково и умеренно их увещивает и получает, так все тянулись к Аполлонию и открыто это заявляли. А у него для каждого находилось внимание и доброе слово.

VIII. 30. (Арестованный при храме Диктинны по обвинению в чародействе, Аполлоний) в полночь освобожден от оков, созвал связавших его, чтобы показать, что он не думает скрываться, и побежал к дверям храма, которые перед ним широко распахнулись; когда же он вошел внутрь, двери закрылись, как если бы их кто запер, и глас раздался дев поющих: "Гряди с земли, гряди на небо, гряди".

VIII. 31. Могилы Аполлония, действительной или мнимой, я нигде не нашел, хотя и объездил большую часть земли. Повсюду я слышал чудесные сказания, а в Тианах я видел храм, воздвигнутый ему на средства императора: сами императоры считали его достойным императорских почестей.

173а. Сенека, Письма. XVII 2 (102), 23 сл.

Луций Анней Сенека (3 г. до н.э.–65 г. н.э.) – оратор, вельможа и философ-стоик, оставивший довольно обширное литературное наследие, главным образом философско-нравственного характера. Обширное образование и огромное богатство позволили ему на досуге развивать философию "самоотречения, презрения к земным благам", которые были у него в избытке... Христиане считают Сенеку "своим". Тертуллиан («О душе», 20) говорит о нем "saepe noster" ("часто наш"), а Иероним его прямо называет "Seneca noster" ("наш Сенека"). Лактанций («О божественных установлениях». I. 5) поражается совпадением философии Сенеки с "божественным учением". В средние века была даже создана апокрифическая переписка между Сенекой и апостолом Павлом... Ниже приводятся наиболее характерные отрывки из стоической морали Сенеки, близкой к христианскому учению.

Эти мгновения смертной жизни лишь прелюдия для другой, лучшей и более долгой жизни. Подобно тому, как утроба матери хранит нас девять месяцев и подготавливает нас не для себя, но для другого мира, куда мы появляемся приспособленные дышать и жить свободно, точно так же в промежуток между младенчеством и старостью мы созреваем для нового рождения. Нас ожидает новое рождение, новое положение вещей. Мы можем видеть небо еще только на расстоянии; поэтому ожидай бестрепетно того решительного часа (смерти) – он будет последним для тела, не для души. Все вещи вокруг тебя рассматривай как багаж в гостинице: придется переехать. Природа обнажает входящего и выходящего, нельзя унести больше, чем ты принес с собою (в жизнь); более того, даже из того, что ты принес в жизнь, многое придется оставить: с тебя будет

снят облекающий тебя последний покров – кожа; совлекут мясо и разлитую, циркулирующую по всему телу кровь, отнимут кости и жилы – опору и сосуды для жидких и мягких частей тела. Но этот день, которого ты устрашишься, как последнего, – день рождения в вечность.

173б. Сенека, Письма. V. 6 (47)

1. От тех, кто у тебя бывает, я с удовольствием узнал, что ты живешь в дружбе со своими рабами. Это соответствует твоему благоразумию и образованию. "Они рабы", но они люди; "они рабы", но они твои сожители; "они рабы", но они твои покорные друзья; "они рабы", но они твои сорябы, если поразмыслить, что судьба может повернуться к тому и другому. 2. Я поэтому смеюсь над теми, кто считает позором обедать с рабом: что здесь позорного, если не считать высокомерного обычая господ обедать в окружении толпы стоящих рабов? Хозяин ест больше, чем воспринимает; в своей огромной жадности он нагружает свой растянувшийся желудок. 3. А несчастным рабам нельзя раскрыть губы даже для того, чтобы что-нибудь сказать. Розга заглушает всякий ропот, даже за случайный кашель, чихание или рыдание не освобождают от побоев. Весь вечер они стоят голодные и безмолвные. 4. В результате те, которым в присутствии господина не разрешается говорить, злословят о нем. Напротив, те, у которых были беседы не только в присутствии господина, но и с ним, которым рта не зашивали, готовы были рисковать за него головой, отвратить на себя угрожающую ему опасность: на пирах они (свободно) разговаривали, зато под пыткой молчали (т.е. не показывали на своего господина). 5. Далее о той же заносчивости гласит пословица: сколько рабов, столько врагов. Они не враги, мы делаем их врагами. Я уже не буду говорить о жестоком, бесчеловечном поведении, когда мы обращаемся с ними не как с людьми, а как со скотом... 10. Подумай, что тот, кого ты зовешь своим рабом, родился таким же путем, наслаждается тем же небом, так же дышит, так же живет, так же умирает... 11. Сколько раз приходило в голову – а что, если бы твой господин позволял себе по отношению к тебе то же, что и ты в отношении своего раба? 12. "Но у меня нет никакого господина", – скажешь ты. Дай срок – может быть, у тебя еще будет. Разве ты не знаешь, в каком возрасте попали в рабство Гекуба, Крез, мать Дария, Платон, Диоген?... 15. "Что же, не посадить же мне за стол всех рабов?" – так же, как и не всех свободных... Пусть обедают с тобою некоторые, достойные этого, а другие – для того, чтобы стать достойными... 17. "Он раб"; но, может быть, он свободен духом. "Он раб"; так что же, это ему повредит? А покажи, кто не раб. Один служит похоти, другой жадности, третий – честолюбию, все вместе – надежде, все – страху. Я приведу тебе бывшего консула, находящегося в рабстве у старухи, богача – у служаночки, я назову тебе знатнейших юношей в рабстве у пантомимов, а ведь добровольное рабство – самый позорный вид его... 19. Я поэтому считаю, что ты поступаешь вполне правильно, когда не хочешь, чтобы рабы тебя боялись, и применяешь словесное воздействие.

174. Сенека, Письмо к Марку

X.I... Дети, почести, богатство, обширные залы и передние, набитые толпою клиентов, славное имя, знатная или красивая супруга и все прочее, зависящее от неопределенной изменчивой судьбы,- все это – принадлежностями чужие, наемные; ничто не дается в дар; сцена обставляется бутафорией, которая снесена из разных мест и которую придется возвратить; кое-что придется отдать в первый же день, иное – на второй день, очень мало сохранится до конца... 2... мы получаем только право пользования, проценты, а срок определяет хозяин этого дара, мы должны иметь всегда наготове то, что нам дано на неопределенный срок, и по первому требованию возвратить без возражений... 4. Быстро ловите радость от детей и в свою очередь дайте детям насладиться вами, исчерпайте всякую радость без промедления; вам не дана отсрочка на эту ночь – нет, я взял слишком большой срок – на этот час. Надо торопиться, сзади насаждают.

XXV. 1. Поэтому нечего тебе бегать на могилу сына: там лежит самая худшая и самая тягостная для него часть – кости и прах, части, принадлежащие ему не больше, чем платье и другие покровы тела. Весь он исчез, он ушел, не оставив ничего своего на земле. Побыв некоторое время над нами, пока он не очистился и не сбросил с себя приставшие к нему пороки и всю мишуру тленного бытия, он затем вознесся к вышним и обретается среди блаженных душ. Он в кругу святых – Сципионов и Катонов.

175. Сенека, «О блаженной жизни» XXI

1. "Почему такой-то занят философией, а вместе с тем живет так богато? Почему он говорит, что надо презирать богатство, а владеет им? Называет жизнь презренной и, однако, живет? Говорит, что надо пренебрегать здоровьем, и, однако, тщательнейшим образом его оберегает и желает его в лучшем виде? Считает, что изгнание – звук пустой, говорит: "Что дурного в том, чтоб переменить местожительство", а между тем старается по возможности состариться в своем отечестве? Он считает, что между долгой и короткой жизнью нет разницы, однако, если ничто не мешает, он старается продлить свою жизнь и спокойно насладиться глубокой старостью". Но он говорит, что все это следует презирать не в том смысле, что этого не надо иметь, но что этим надо обладать без тревоги; он этого не отклоняет от себя, но относится спокойно, если оно от него отходит.

176. Сенека, «О милосердии» I, 4

2. Этот случай будет гибелен для мира Рима; он приведет к развалу столь великого народа; народ этот будет свободен от этой опасности, пока он сумеет нести на себе узду, а если он по какому-либо случаю ее порвет или если она упадет и он не позволит вновь ее на него наложить, то единство и связь величайшей империи распадется на множество частей; конец повиновения будет концом господства для этого города.

177а. Сенека, Письмо II 6 (18)

5. Мне до такой степени хочется испытать свою твердость, что по примеру великих людей я тебе тоже предписываю: выдели несколько дней, в течение которых будешь довольствоваться минимумом самой дешевой пищи, грубой и неприятной одеждой; ты потом скажешь себе: "Так вот чего я боялся?"...

... Терпи это три, четыре, иногда и несколько дней, но так, чтобы это было для тебя не забавой, а страданием, тогда, поверь мне, Луцилий, ты, к радости своей, убедишься, что ты можешь насытиться на гроши, и ты поймешь, что для спокойствия фортуна не нужна: то, что достаточно для удовлетворения необходимого, она дает даже отвернувшись. 8. Не воображай, однако, что при этом совершаешь что-то особенное. Ты будешь делать только то, что делают многие тысячи рабов, многие тысячи бедняков. Смотри на это с той точки зрения, что ты это делаешь добровольно, и тебе так же легко будет терпеть это постоянно, как легко тебе дается временный эксперимент... Мы спокойнее будем жить в богатстве, если будем знать, как не тяжело быть бедными.

177б. Сенека, Письмо. IV 2 (31)

11. Что же это? – душа, притом прямая, добрая, великая. А чем иным ты ее назовешь, как не богом, пребывающим в человеческом теле? Эта душа может попасть к римскому всаднику, так же как и вольноотпущеннику, как к рабу. Ибо что такое римский всадник, или вольноотпущенник, или раб? – пустой звук, возникший из тщеславия и несправедливости. Подняться на небо можно и из закоулка. Воспрянь только и "вообрази себя тоже достойным бога" (Вергилий. Энеида VIII,304)

177в. Сенека, Письмо. IV 12 (41)

1... Не надо воздевать руки к небу, не надо просить жреца, чтоб он допустил нас к уху статуи бога, как будто нас так лучше услышат: бог близко от тебя, с тобою, он в тебе. 2. Так-то, Луцилий: внутри нас обитает святой дух, блюститель и страж хорошего и дурного в нас. И в зависимости от того, как мы относимся к нему, так он относится к нам. Никто не может быть хорошим человеком без бога; может ли кто-нибудь подняться выше судьбы без помощи его? Он дает прекрасные, возвышенные советы.

177г. Сенека, Письмо. VII 3 (65)

16... Это тело – бремя души и наказание для него; она страдает под давлением его, она находится в оковах, пока не является философия, которая дает ей свободно вздохнуть в созерцании природы и возносит ее от земного к небесному. В этом ее свобода, в этом ее освобождение; в такие минуты душа ускользает из темницы, где она со-

держится, и возносится к небу... 23. Вселенная состоит из материи и бога. Бог управляет материей, которая облачает его, повинуется ему как управителю и руководителю. А ведь творящее начало, то есть бог, могущественнее и выше, чем управляемая богом материя. То место, которое в мире занимает бог, в человеке занимает душа; а материи мира соответствует наша душа; пусть же худшее служит лучшему.

178. Corpus Hermeticum. Cap. I. Hermou Trismegisti Poimandres (Герметический корпус. Гермес Трижды величайший)

Гермес Трисмегист ("Трижды величайший") – греко-египетское божество, культ которого принял гностическо-мистические черты и получил распространение одновременно с христианством. "Тайное" герметическое учение (отсюда слово "герметический" получило значение "наглухо закрытый") имеет последователей среди теософов еще и в наше время. Герметическая литература, несомненно, повлияла на христианскую литературу: достаточно сравнить приводимый отрывок из Corpus Hermet. с соответствующим местом из христианского "Пастыря" Гермы (№ 198), с учением Валентина, офитов и других христианских сект. Дошедшие до нас герметические тексты относятся ко II–III в., но источники их восходят к более древнему периоду.

Однажды, когда у меня явились размышления о сущем и мысль моя сильно вознеслась, а телесные чувства мои приостановились, как [это бывает] у отягощенных сном от насыщения пищей или усталости тела, мне привиделось, что некто огромный, неопределенных размеров зовет меня по имени и говорит мне: "Что ты хочешь услышать, увидеть и, поразмыслив, изучить и познать?". 2. Я говорю: "а кто же ты?" – "Я,- говорит,- Пэмандр, разум небесный; я знаю, чего ты хочешь, и я с тобою повсюду".

3. Я говорю: "Я желаю изучить сущее, объять мыслью природу всего этого и познать бога; вот что,- говорю я,- хочу я услышать". Он опять мне говорит: "Направь свой разум к тому, что ты хочешь узнать, и я тебя научу".

4. Сказавши это, он преобразился видом, и сейчас же все для меня открылось вдруг, и я вижу беспредельное зрелище; все стало прекрасным и мягким светом; а через короткое время в части явился идущий вниз мрак ужасный и страшный, криво свернутый, так что уподобился дракону. Затем тьма превратилась в какое-то жидкое естество, несказанно волнующееся и испускающее дым, как от огня, издающее какой-то громкий неопишываемый шум. Затем оттуда раздался нечленораздельный крик: похоже – голос огня... 6. Пэмандр мне говорит: "Ты поразмыслил, что означает это зрелище?" – "я хочу узнать",- сказал я. "Тот свет,- сказал он,- это я – Разум, твой бог, бывший до жидкого естества, явившегося из мрака. А возникший из Разума светлый Логос – сын божий".- "Что же?" – говорю я. "Узнай вот что: видящее и слушающее в тебе – Логос господя, а Разум - отец-бог; они не различаются друг с другом, и их соединение есть жизнь..." 8. "Ну, а стихии природы,- сказал я,- откуда возникли?" На это он сказал: "Из Воли бога, которая, взявши Логос и увидав прекрасный мир, стала подражать ему в сотворении мира через ее Стихии и рождение душ. 9. Разум же, будучи обоим, являясь светом и жизнью, зачал еще другой Разум - демиурга, который, будучи богом огня и духа, сотворил семь диэкетов⁶, которые кругами окружают чувственный мир. А распорядок их называется роком"... 12. Отец же всего – Разум,- будучи жизнью и светом, породил человека, подобного ему: его он возлюбил, как собственное дитя; ибо он был прекрасен, будучи подобием отца; в самом деле бог возлюбил свой собственный образ; ему он передал все свои творения...

27. Сказавши это, Пэмандр смешался у меня с силами⁷. Я же, возблагодарив и прославив отца всего сущего, был отпущен им, укрепленный и наученный относительно природы всего и величайшего зрелища. И я начал проповедовать людям красоту благочестия и познания (гносиса):

"О люди, мужи земнородные, предавшиеся опьянению, сну и незнанию бога, протрезвитесь, перестаньте быть пьяными, очарованные неразумным сном".

28. Они же, услышав, явились единодушно. Я же говорю: "Зачем вы, земнородные мужи, предаете себя на смерть, имея возможность получить долю в бессмертии? Покайтесь вы, шедшие по пути заблуждения и общавшиеся с незнанием, откажитесь от мрачного света, примите долю бессмертия, оставив путь гибели". 29. И вот некоторые из них, занятые пустословием, отстали, ступив на путь смерти, другие же, бросившись к моим ногам, просили у меня поучения. Я же, подняв их, стал путеводителем народа, обучая их (словами), как и каким образом им спастись. Я посеял среди них слова мудрости, и они питались от воды бессмертной. Когда же настал вечер и свет солнца начал совсем меркнуть, я велел им возблагодарить бога. Исполнив благодарственную молитву, они отправились, каждый к своему ложу. 30. Я же, запечатлев в себе благодеяние Пэмандра и исполнившись, чего хотел, возрадовался. Ибо сон тела стал бодрствованием души, слепота глаз – зоркостью души, мое молчание - чревато добром, воспарение логоса – рождением благ. Это случилось со мною, когда я принял от Разума, то есть Пэмандра, слово небесное. Став богодухновенным, я дошел до круга истины. Потому я воздаю от всей души и силы хвалу богу-отцу. 31. "Свят бог-отец вселенной; свят бог, чья воля свершается его собственными силами; свят ты, словом своим составивший все; свят ты, чьим образом явилась природа; свят ты, кого не природа образовала; свят ты, который сильнее всякой силы; свят ты, который больше всякого объема; свят ты, который лучше всяких похвал. Прими чистые словесные жертвы от устремленного к тебе сердца и души, неназываемый, неизреченный, призываемый в молчании. 32. Услышь мое желание не уклониться от знания, доступного моему существу, укрепи меня и

⁶ Распорядителей.

⁷ "Сила" в тексте понимается в смысле богословском, наподобие ангельских чинов в христианстве: "силы", "престолы" и т. п.

исполни меня этой благодати, чтобы я просветил пребывающих в невежестве [членов человеческого] рода, моих братьев, а твоих сыновей. Потому верую и свидетельствую: я иду к жизни и свету. Будь благословен, отец. Твой сын хочет быть святым с тобою, поскольку ты передал ему всякую власть"⁸.

179. Ditt. Or. 716. Александрия. 237-244 гг.

Гай Юлий Север, из 2 траяновского храброго Гордиановского легиона, воздвиг в честь великого бога Гермеса трижды величайшего.

166

МАГИЯ

180. Pap. Lugd. W. (Лейденский папирус). С. 17 сл. Dieterich Abraxas, S. 195, 4 ff. R. Reitzenstein, Poimandres, S. 15 ff.

1. (17.) Сюда, ко мне [ты, идущий] со всех четырех ветров, всевластитель, вдохнувший в людей дух для жизни, 2. чье имя скрыто и неизреченно среди людей и прорицатель произнести не может, чье имя услышав, даже демоны повергаются, 3. чьими неустанными глазами служат солнце и луна, сияющие в зрачках людей, 4. у которого небо – голова, эфир – тело, земля – ноги, окружающая тебя вода – океан. Ты – добрый демон (Агатодемон), создающий добро и питающий вселенную. 5. Твое вечное жилище воздвигнуто наверху. 6. Твои благие влияния (эманации) звезд суть демоны, богини судьбы и мойры, которые дают богатство, хорошую температуру тела, хороших детей, удачу, хорошее погребение, ты же господствуешь над жизнью. 7. Ты, царствующий над небом и землей и всеми живущими на них, 8. чья справедливость несокрушима, чье славное имя воспевают музы, ты, кого окружают копыеносцы – восемь стражей, обладающий непогрешимой истиной. 9. Имя твое и дух твой на праведных.

10. Войди в мой разум и в мои мысли на все время моей жизни и исполни все желания моей души. 11. Ибо ты – я, а я – ты; что я скажу, пусть всегда свершается. Ибо я храню твое имя, как амулет, в сердце своем. 12. И пусть меня не одолеет ни одна приведенная в движение рука, пусть не противится мне всякий дух, ни демон, ни дурная встреча, ни что другое из злых адских [сил] ради имени твоего, которое я ношу в душе. 13. Призываю тебя, явись ты мне всемерно благой в благости, незлобивый, дав мне здоровье, спасение, благосостояние, славу, победу, силу, милость. 14. Отверни глаза от всех и всяких вредящих мне, мне же дай милость во всех моих делах.

182. Тертуллиан, «Об идолопоклонстве»

IX. Между различными людскими занятиями нельзя не заметить некоторых искусств или профессий, благоприятствующих идолопоклонству. Об астрологах даже говорить не стоит, но так как один из них вздумал оправдывать себя в том, что продолжает заниматься этой профессией, то я намерен сказать здесь несколько слов по этому поводу. Я не скажу, чтобы помещать имена ложных богов в небо, приписывать им как бы всемогущество и отклонять людей от вознесения молитв богу, внушая им веру, будто их судьба неизменно определена звездами, – чтобы все это было равносильно поклонению ложным богам. Но я утверждаю, что астрологи в этом случае уподобляются падшим ангелам, отошедшим от бога для обольщения рода человеческого... Астрологи изгнаны из Римской империи со всеми своими служителями. Им воспрещен въезд в Рим и во всю Италию, подобно тому как тем, кто на них надеется, воспрещен доступ к небу. Участь этих учителей и их учеников – ссылка.

Маги и астрологи пришли к нам с Востока. Нам известно, какое отношение имеет магия к астрологии. Правда, звездочеты первые возвестили о рождении Иисуса Христа и первые принесли ему дары... Но что ж с того? Разве из-за этого надо благоприятствовать религии магов и астрологов? Нет! Ныне всякое учение исходит от единого Иисуса Христа... Магия терпима была только до появления евангелия, с тем чтобы со времени рождества Христова никто уже не дерзал исчислять дни человеческие по течению звезд... Что касается другого рода магии, проявлявшейся в чудесах и боровшейся с могуществом Моисея, то и этот род ее равным образом был терпим богом до появления евангелия. Мы видим, что после того времени Симон-волхв, хотя уже обратившийся в христианство, оставался, однако, под влиянием своего ложного учения до такой степени, что для увеличения своей магической власти хотел купить силу раздавать дары св. духа посредством возложения рук; но апостолы прокляли его за это и исключили от общения с верными... Если магия наказуема, а астрология – ее разновидность, то вместе с видом подлежит осуждению и разновидность. Так, со времени появления Евангелия всякого рода софисты, астрологи, чародеи, маги, волхователи должны неминуемо быть наказаны...

XVII. Посмотрим теперь, как должны поступать рабы и вольные люди, находящиеся в услужении у своих господ, патронов или сановников, привыкших совершать жертвоприношения. Кто предлагает вино к возлиянию или произносит известные слова, относящиеся к обряду, того, конечно, следует признать служителем идолов. Не упуская из виду этого правила, мы можем в отношении нашей службы начальникам и царям подражать примеру патриархов и других верующих, которые часто были министрами и служителями царей-идолопоклонников (но лишь) во всем том, что не относилось к идолопоклонству. Но тут подлежит разрешению другой вопрос. Спрашивается, в случае если бы служитель божий принял на себя исполнение какой-либо общественной должности, может ли он использовать милость начальства или свою хитрость, чтобы уклониться от всякого рода идолопоклонства? Ответ на это мы находим в поведении Иосифа и Даниила... христианин может проходить путь почестей и чинов, с тем только чтобы он не приносил жертв, не содействовал своей властью жертвоприношениям, не доставлял для

⁸ "Власть" (exousia) – также гностический термин, означающий внутреннюю интуицию как следствие гносиса.

этого животных, не прилагал стараний – ни сам, ни через других – к поддержанию храмов, не изыскивал доходов в пользу их, не давал игрищ ни на свой счет, ни на счет казны, не председательствовал на них, не устраивал пиршеств, не произносил клятв, не выносил приговоров ни на чью жизнь или честь – исключая настоящих преступников, не судил, не осуждал, не заключал в оковы и в темницы, не предавал пыткам никого без вины. Ему самому предоставляется решить, возможно ли все это или невозможно.

169

ЯЗЫЧЕСКИЕ "ЖИТИЯ". ГОНЕНИЯ

Гонения, имевшие организованный характер и направленные специально против христиан, исторически засвидетельствованы лишь начиная с III в. При этом, как признает даже богослов Гарнак, сама принадлежность к христианству не считалась наказуемой, формальный конфликт с государственной властью был возможен для христиан лишь на почве культа императора... Греческие жития мучеников-философов и политических деятелей, пострадавших за свои убеждения, были довольно популярны; знакомство с ними позволяет сравнить их с христианскими. Ниже мы приводим под №№ 183 и 184 образчики таких языческих житий.

183. ВГУ II 511 (col. I и II) + P. Cairo 10. 448 (col. III) = W. 14

Рукопись не ранее 200 г., но описываемый в ней процесс относится к середине I в. В сильно попорченном столбце I описывается первый день процесса по поводу возбужденной александрийской делегацией в составе Исидора и Лампона жалобы против царя Агриппы. Император Клавдий назначает слушание дела на следующий день.

II. На второй день, 6 пахона, Клавдий Цезарь Август выслушивает (Исидора), гимнасиарха города Александрии, против царя Агриппы в Лукулловых садах в сопresутствии двадцати четырех (трех?) сенаторов, в том числе шестнадцати консуларов, в присутствии императрицы с матронами. (Когда ввели) Исидора, Исидор сказал: "Прежде всего прошу тебя, господин мой Цезарь, припадая к твоим стопам, благосклонно выслушать мои злоключения". Император сказал: "Я уделяю тебе этот день". С этим согласились и все заседавшие с ним сенаторы, хорошо понимая, каково... [Дальнейшее сильно испорчено. Можно догадаться, что Клавдий упрекает делегатов в склоках против императорских ставленников, обвинители превратились в обвиняемых и понимают, что их участь предreshена].

III. ...Лампон Исидору: "...я увидел смерть"... Клавдий Цезарь: "Многих моих друзей ты убил, Исидор". Исидор: "Я слушался царя, повелевавшего тогда. И для тебя могу обвинить, кого хочешь". Клавдий Цезарь: "Несомненно, ты [отродье] музыкантши". Исидор: "Я не раб и не сын музыкантши, а гимнасиарх славного города Александрии. А ты от Саломеи иудейки... кидыш..." Сказал Лампон Исидору: "Что нам остается, как не... сумасшедшему царю?" Клавдий Цезарь: "Сим я изрек смертный приговор Исидору и Лампону".

184. P. Оху. I 33 = W. 20. Конец II в.

Этот папирус также представляет собой "языческое житие мученика", в основе которого лежит, по видимому, исторический факт. В данном случае суд и расправу чинит император Коммод. Приводим только выдержку из столбцов II и III.

Император снова его позвал. Император сказал: "Не знаешь ли теперь, с кем ты говоришь?" Аппиан: "Знаю: [я] Аппиан [говорю с тобою], с тираном". Император: "Нет, с царем". Аппиан: "Не говори этого, твоему божественному отцу Антонину действительно подобало быть императором. Во-первых, слышишь, он был философом, во-вторых, несребролюбивым, в-третьих, любящим добро.

Тебе же свойственны противоположные [черты] – тирания, безнравственность, невежество". Цезарь велел его повести [на казнь]. Аппиан, когда его уводили, сказал: "Окажи мне еще эту милость, господин Цезарь". Император: "Какую?" Аппиан: "Прикажи, чтобы меня повели во всем моем блеске". Император: "Согласен". Аппиан взял повязку, надел ее на голову и, надев на ноги белые сандалии, закричал посреди Рима: "Сбегайтесь, римляне, и посмотрите, как ведут на казнь одного от века гимнасиарха и посланника александрийцев"...

185. ВГУ I 287 = W. 124

Во время гонений в III в. специальные комиссии проверяли благонадежность граждан, требуя принесения жертвы богам. Принесший жертву подавал в комиссию заявление, которое члены комиссии удостоверяли своими подписями. Что здесь дело шло не столько о религиозном гонении на христиан или иудеев, сколько именно о проверке политической благонадежности, доказывается тем обстоятельством, что такие удостоверения (libelli) получали и нехристиане, в частности, мы приводим libellus, выданный жрице бога Петесуха.

Выборным по жертвоприношениям села Александру Незос от Аврелия Диогена Сатабута из села Александру Незос 72 лет, дом у подножия холма справа. Я всю свою жизнь приносил жертвы богам и теперь в вашем присутствии принес жертву согласно предписанию и совершил возлияние и вкусил от жертвенного мяса и прошу вас засвидетельствовать. Будьте счастливы. Подписал Аврелий Диоген. [Другой рукой:] Я, Аврелий Сир, видел, как ты приносил жертвы вместе с [сыном]. [Третьей рукой]... он... [Первой рукой] В первый год императора цезаря Гая Мессия Квинта Траяна Деция благочестивого, счастливого Августа. Эпиф 2 [26 июня 250 года].

186. W. 125. Арсиноя. 250 г.

Папирус, по-видимому, представляет собою лист, вырванный из официальной книги, куда заносились такие акты за определенным номером.

433. Выборным по жертвоприношениям от Аврелии... жрицы Петесуха великого, великого, вечно живого, и богов, в квартале Моерис... я всю свою жизнь приносила жертвы богам и теперь согласно распоряжению в вашем присутствии принесла жертву, совершила возлияние и вкусила от жертвенного мяса и прошу засвидетельствовать. [На этом папирус обрывается.]

187. Тацит, Анналы, XV, 44

Приводимый ниже отрывок из Тацита является одним из первых свидетельств языческих авторов о гонениях на христиан в Риме.

... Но ни человеческой помощью, ни щедротами принцепса, ни умиловлениями богов не устранялся позорный слух, что пожар (речь идет о пожаре Рима в 64 году) был делом приказания. Поэтому, чтобы уничтожить этот слух, Нерон подставил виновных и применил самые изысканные наказания к ненавистным за их мерзости людям, которых в народе называли христианами. Человек, от которого они получили свое название, – Христос – был в правление Тиберия казнен прокуратором Понтием Пилатом, и подавленное на время пагубное суеверие вырвалось снова наружу и распространилось не только по Иудее, где это зло получило начало, но и по Риму, куда стекаются со всех сторон и где широко прилагаются к делу все гнусности и бесстыдства. Таким образом, были сначала схвачены те, которые себя признавали (христианами), затем по их указанию огромное множество других, и они были уличены не столько в преступлении, касающемся пожара, сколько в ненависти к человеческому роду. К казни их были присоединены издевательства: их покрывали шкурами диких зверей, чтобы они погибали от растерзания собаками, или пригвождали их к кресту, или жгли на огне, а также, когда оканчивался день, их сжигали для ночного освещения. Нерон предложил для этого зрелища свой парк и давал игры в цирке, где он смешивался с плебсом в одеянии возницы или правил колесницей. Поэтому, хотя христиане и были люди виновные и заслуживающие крайних наказаний, к ним рождалось сожаление, так как они истреблялись не для общественной пользы, а ради жестокости одного человека.

189. Тертуллиан, Послание к Скапуле

II. Мы поклоняемся единому Богу... Относительно других существ, которых вы именуете богами, мы знаем, что они не что иное, как демоны. Однако право – естественное и публичное – требует, чтобы каждый поклонялся тому, кому хочет... Обвиняют нас также в том, что мы не имеем должного почтения к императорам; но между нами никогда вы не встречали ни Кассиев, ни Альбианов, ни Нигрианов⁹. Те самые, которые накануне клялись гением цезаря, приносили жертвы и давали обеды за благополучие императоров и часто осуждали христиан, оказались врагами императора. Христианин никому не враг, а тем менее императору, зная, что Бог его поставил императором и что его надо любить, уважать, что надо оказывать ему почести, молиться о здравии его и о благополучии государства, доколе мир стоит. Стало быть, мы почитаем императора столько, сколько нам дозволено почитать его, и в той мере, в какой он сам этого должен желать. Мы признаем его за человека, который хранит данную ему от Бога в удел власть, который поставлен богом и который ниже одного только Бога. Император, конечно, одобрит подобных почитателей, потому что мы, ставя его ниже только Бога, признаем его выше всех людей и даже выше всех ваших богов, которые состоят в его власти. Мы также приносим жертвы за благоденствие императора, но приносим их единому нашему и его Богу, а жертвы эти – молитвы, предписанные нам Богом... Мы составляем большую часть империи, а между тем мы настолько тихи и выдержанны, что вы знаете нас только как одиночных частных лиц...

III. Когда судьей был Гиларион, [народ] по поводу отвода площади (агеа) под наши кладбища кричал: "Не отводить земли!" И вот земля оказалась не их: они не собрали жатвы¹⁰.

IV. Мы не думаем тебя пугать, потому что и сами тебя не боимся, но мы хотим, чтобы весь мир был спасен. Советуем тебе не бороться с богом... Сколько, впрочем, строгих правителей пыталось изменить этого рода судебные процессы! Например, Цинций Север, который сам преподавал Гистру правила, как христиане должны отвечать (на допросе), чтобы их оправдали. Или, например, Веспроний Кандид, который считал достаточным признавать христиан нарушителями порядка и довольствовался тем, что присуждал их к публичному извинению перед согражданами. Или, например, Аспер, который, поступив несколько жестоко при первоначальном допросе одного христианина, тотчас отпустил его, не принуждая его принести жертву богам; предварительно же он сказал адвокатам и заседателям, что ему чрезвычайно неприятно разбирать подобного рода дела. Или, например, Пудент, который искусным образом включил в обвинительный акт одного привезенного к нему христианина обвинение в вымогательстве, а так как свидетелей которые бы уличили в этом обвиняемого, не нашлось, то он объявил, что дело ввиду этого слушанием продолжать нельзя. Эти факты могут вразумить тебя, в каком духе тебе надлежит действо-

⁹ Т.е. царевыйц.

¹⁰ Здесь игра слов: агеа означает "площадь" и землю под посевом. За то, что язычники не хотели предоставить христианам агеа для кладбища, Бог их наказал неурожаем.

вать... Север, знавший многих патрициев и знатных дам, принадлежавших к нашей секте, не только не преследовал их, но всячески покровительствовал и умел противостоять свирепости народа, вооруженного против нас. Во время похода Марка Аврелия в Германию христианские воины молитвами своими испросили с неба обильный дождь, когда армия крайне нуждалась в воде...

V... Когда Аррий Антоний преследовал христиан в Азии, то все христиане его провинции, собравшись вместе, явились перед его судилище. Он некоторых посадил в темницу, а другим сказал: "Труссы, если вы хотите умереть, то разве нет достаточно веревок и пропастей?" ...Какие мучения претерпит Карфаген... когда воинам твоим придется отсекаать головы не кому иному, как друзьям или родным своим, когда они найдут между ними (христианами) римских патрициев и знатных матрон, столь же благородных, как ты сам, и, может быть, твоих собственных ближайших родственников и искренних друзей? Итак, воздержись ради себя самого, если не ради нас; ради Карфагена, если не ради себя.